

И.В. Хоменко
ДИСКУРС ЭРИСТИЧЕСКОГО СПОРА

В статье рассматривается эристический спор с точки зрения его дискурса. Спор как вид социального взаимодействия и дискурс спора как его протокол всегда регулируются определенными нормами. Среди них автор выделяет нормы рациональности, нормы логичности, нормы адекватности и анализирует, как работают эти нормы в эристическом дискурсе.

The article is devoted to the analysis of eristic discussion from point of view of its discourse. The discussion as a type of social interaction and discourse are regulated by norms. The author distinguishes norms of rationality, norms of adequacy, norms of logicality and considers how these norms function in eristic discourse.

Ключевые слова: эристика, спор, эристический дискурс, нормы рациональности, нормы адекватности, нормы логичности.

Keywords: eristic, discussion, eristic discourse, norms of rationality, norms of adequacy, norms of logicality.

Одним из видов аргументативных процессов является эристический спор. Для того чтобы определить его существенные признаки, обратимся к терминам «эристика», «эристический» и попробуем их определить.

Термин «эристика» имеет давнюю историю. Он появляется еще во времена Древней Греции. Детальный анализ того, что представляет собой эристика, был предпринят в свое время Аристотелем в таких работах, как «Топика» и «О софистических опровержениях». Аристотель попытался различить понятия «диалектика», «эристика» и «софистика». При этом ес-

ли первое он оценивал позитивно, то второе и третье, по его мнению, имели только негативные характеристики.

Предметом исследования, как диалектики, так и эристики с софистикой были силлогизмы, то есть рассуждения. Эти рассуждения существенно отличались от научных силлогизмов, которые являлись предметом исследования аналитики. Что же их отличало?

Прежде всего, посылки, входящие в состав таких рассуждений. В научных силлогизмах посылки должны были быть необходимыми положениями. «Доказывающее же знание – то, которое мы имеем благодаря тому, что имеем его доказательство. Следовательно, доказательство есть силлогизм из необходимых посылок»¹, - писал Аристотель во «Второй аналитике». Необходимый характер посылок обуславливал их истинность. Такие высказывания должны были быть истинными положениями.

В диалектике, эристике и софистике посылки рассуждений могли иметь правдоподобный характер, то есть их истинность могла быть и не установлена заранее. «Диалектическое же умозаключение – это то, которое строится из правдоподобных положений»², - находим в «Топике». Однако правдоподобность может быть разной. Иногда человеку только кажется, что то или иное положение имеет правдоподобный характер. Именно такие утверждения используют как посылки в эристических рассуждениях. «Эристическое же умозаключение исходит из положений, которые кажутся правдоподобными, но на деле не таковы, или оно кажется исходящим из правдоподобных либо кажущихся правдоподобными положений»³. «Эристическое и со-

¹ Аристотель. Вторая аналитика // Сочинения: В 4-х т. – М., 1978. – Т.2. – С.263.

² Аристотель. Топика // Сочинения: В 4-х т. – М., 1978. – Т.2. – С.349.

³ Там же.

фистическое умозаключение – это, во-первых, мнимое умозаключение относительно того, чем занимается диалектика как искусство испытывания, даже если заключение истинно, ибо оно обманчиво в отношении причины. Это, во-вторых, такие паралогизмы, которые, не соответствуя способу исследования данного предмета, кажутся построенными по правилам соответствующего искусства»⁴.

Таким образом, диалектические рассуждения отличаются от эристических, во-первых, своим мнимым характером, во-вторых, видимостью раскрытия сущности предмета исследования. В связи с этим и цели, которые стоят перед диалектикой, эристикой и софистикой отличаются.

Диалектику Аристотель оценивал достаточно высоко. Он писал о том, что она может быть полезной и для тренировки, и для устных бесед, и для философских знаний. Эристика, по Аристотелю, преследует только одну цель – победу в споре нечестными способами. Эристик относится к диалектику так, как человек, который делает неправильные чертежи, относится к геометру. «В самом деле, он ложно умозаключает, исходя из тех же начал, что и диалектик, а делающие неправильные чертежи – из тех же начал, что и геометр»⁵.

Эристика отличается и от софистики, но только целью. Если цель эристов – победа в споре, то цель софистов – использование мнимой мудрости ради славы в погоне за наживой. В связи с этим софистику Аристотель называет «искусством наживы с помощью мнимой мудрости»⁶. И эристы, и софисты используют одинаковые доводы, но с разными целями. «И один и

⁴ Аристотель. О софистических опровержениях // Сочинения: В 4-х т. – М., 1978. – Т.2. – С. 554-555.

⁵ Там же. С.555-556.

⁶ Там же. С.555.

тот же довод будет софистическим и эристическим, но не для одного и того же: эристический – ради мнимой победы, софистический – ради мнимой мудрости»⁷.

Таким образом, эристика у Аристотеля связывалась со спором, где спорящие активно влияют один на другого, при этом главная цель, стоящая перед ними, – это победа. Ради победы могут быть использованы различные уловки, которые приводят к ложности доводов, а, следовательно, и к ложности заключения аргументации-рассуждения.

В дальнейшем значение термина «эристика» существенно не изменилось. Однако необходимо отметить, что четкой разницы между диалектикой, эристической и софистикой после Аристотеля уже не проводили.

Так, например, И. Кант в трактате «Логика» писал, что в давние времена диалектику изучали очень старательно. Это искусство под видимостью истины выставляло ложные положения и старалось соответственно им высказывать мнимые утверждения о вещах. У греков диалектиками были адвокаты и ораторы, которые умели убеждать народ в том, к чему стремились, то есть в мнимой видимости. В логике ее долго освещали под именем искусства спора. «Ничто не может быть более негодным для философа, как культивирование такого искусства», – завершает Кант⁸.

Хотя Кант и не признавал такую диалектику (которая вобрала в себя и эристику, и софистику), он все-таки пришел к выводу, что эту науку можно переработать. Тогда бы логика, по его мнению, имела бы две части: аналитику, содержащую формальные критерии истины, и диалектику, содержащую признаки и правила, при помощи которых можно было бы узнать, отвечает ли то или иное формальным критериям исти-

⁷ Там же.

⁸ Кант И. Логика // Трактаты и письма. – М., 1980. – С.325.

ны, хотя и кажется согласным с ним. Такая диалектика была бы полезной для человека как чистилище рассудка.

Не видел особой разницы между эристикой, софистикой и диалектикой и А.Шопенгауэр, автор книги «Эристика, или искусство побеждать в спорах». Он вообще сначала хотел назвать свою работу «Диалектика».

Диалектику Шопенгауэр, как и Кант, рассматривает как «искусство вести прения и споры или разговоры»⁹. По его мнению, предметом диалектики должна быть «одновременная деятельность двух разумных существ, которые думают в одно и то же время, откуда, - конечно, возникает спор, то есть духовная борьба»¹⁰.

Диалектика в отличие от логики, которая, по Шопенгауэру, является априорной наукой, может быть только апостериорной наукой. Ее базисом является эмпирический опыт коммуникаций. Основной тип спора, рассматриваемый Шопенгауэром, - это спор, целью которого всегда является не просто отстаивание своей точки зрения, убеждение собеседника в ее состоятельности, а именно победа. Как видим, в этом немецкий философ не поддерживает точку зрения Аристотеля. Он считает, что естественным для любого человека является желание выглядеть всегда правым. В споре спорщик, прежде всего, будет искать ошибку не в своих рассуждениях, а в рассуждениях собеседника, и вряд ли сразу же согласится с критикой своей позиции.

Чтобы помочь человеку в сложных ситуациях споров всегда быть правым, Шопенгауэр разработал и исследовал специальные приемы и уловки, которые

⁹ Шопенгауэр А. Эристика, или искусство побеждать в спорах. - СПб., 1900. - С.2.

¹⁰ Там же.

объединил в своем учении, назвав его «эристической диалектикой».

Как введение в его учение, можно привести такие слова философа: «Любовь к правде ... совершенно уступает место любви к собственному мнению: так что правда, таким образом, кажется ложью, а ложь правдой»¹¹. В связи с этим сама эристическая диалектика у Шопенгауэра определена как «искусство спорить, и спорить так, чтобы всегда быть правым»¹².

В современной литературе также часто софистический и эристический спор не различаются. Так, например, Д.Уолтон (D. Walton) выделяет шесть основных типов диалога на основании внутренней ситуации диалога (the initial situation of a dialogue), индивидуальных целей (individual aims) его участников и коллективной главной цели (collective main goal) диалога. Это диалог-убеждение (persuasion dialogue), диалог-переговоры (negotiation dialogue), эристический диалог (eristic dialogue), диалог-исследование (inquiry dialogue), диалог-дискуссия (deliberation dialogue) и диалог поиска информации (information-seeking dialogue)¹³.

При этом Уолтон достаточно часто в своих работах эристический диалог рассматривает как софистический¹⁴. И определяет его как такой вид диалога, который обуславливает высокий уровень состязательности и конкурентноспособности, где каждая участник пытается создать впечатление наиболее умного и умелого спорщика. Крайним видом такого диалога, по Уолтону, является ссора.

Подведем некоторые итоги. Во-первых, эристика всегда занимается таким типом коммуникации, как

¹¹ Там же.

¹² Там же, С.5.

¹³ Walton, D. Fundamentals of Critical Argumentation. – NY, 2006. – P.183.

¹⁴ Walton, D. The new dialectic: Conversational contexts of argument. – Toronto, 1998 – P.195.

спор. Любой спор предполагает активный и критический обмен мнениями между коммуникантами. «Я» пытается убедить «Ты», а «Ты» в свою очередь пытается убедить «Я». При этом и «Я», и «Ты» должны учитывать взаимные критические замечания.

Во-вторых, характерным признаком эристической коммуникации является то, что она всегда представляет спор ради победы. В таких спорах могут быть использованы различные уловки, вплоть до спора без правил. Формой проведения такого спора, как правило, является полемика, которая представляет собой не просто спор, а спор, где есть конфронтация, противостояние, противоборство сторон, идей, мнений. Это борьба мнений, а не обмен мнениями, которую проводят с целью отстоять свою собственную точку зрения и опровергнуть противоположную. Ни о консенсусе, ни о совместно принятом решении по поводу спорного вопроса тут речь вообще не идет. В полемике необходимо получить победу над противником, отстоять и защитить свою собственную позицию.

Таким образом, эристический спор можно определить как вид социального взаимодействия, результатом которого является победа одной из сторон.

Эристический спор можно рассмотреть с точки зрения его дискурса. Термин «дискурс» впервые появляется в работах автора так называемого дистрибутивного метода в лингвистике З.Харриса. Он попытался использовать это понятие для анализа отдельных предложений и даже целых текстов, рассматривая их в контексте соответствующей социокультурной ситуации. Немного позднее во французской традиции под термином «дискурс» начали понимать язык и речь в целом. Потом дискурс ассоциировали с «лингвистикой текста», где он рассматривался как сугубо текстовая категория. Основная цель здесь состояла в изучении

закономерностей формирования и функционирования текста.

Только в конце 70-х – в начале 80-х годов понятия «дискурс» и «текст» наконец начинают различать. Текст рассматривают как определенный статичный объект, абстрактную формальную конструкцию, абстрактную статичную конструкцию проговоренного, а дискурс – как способ актуализации текста при определенных ментальных и прагматических условиях (Т.А. Ван Дейк, В. Кинч и др.). При таком подходе дискурс – это понятие, связанное с речью, а текст – это понятие, связанное с языком. Такое истолкование дискурса как сложного коммуникативного события, которое включает вместе с текстом и экстралингвистические составляющие – прагматические, социокультурные, психологические и др. – в 80 – 90 годы XX столетия среди исследователей становится ведущим, хотя попытки уточнить это понятие, выяснить его существенные признаки продолжаются и сегодня.

Так, например, Т.А. Ван Дейк в одной из своих работ¹⁵ особенно настаивал на том, что понятие дискурса является расплывчатым, так же, как и понятие языка, общества, идеологии. Но именно такие понятия, которые трудно определить, по его мнению, как правило, становятся самыми популярными среди исследователей.

Мы будем исходить из того, что дискурс – это всегда определенный текст. Однако не всякий текст может быть квалифицирован как дискурс. А только тот, который является «неотъемлемым от людей, его произносящих», то есть такой текст, в котором содержатся их рассуждения. При этом эти рассуждения рассматриваются не обособленно, а в связи с внеязыковыми составляющими, которые составляют контекст коммуникативного события. Необходимо отметить,

¹⁵ Van Deyk T.A. Ideology: A Multidisciplinary Approach. – N.Y., 1998.

что контекст коммуникативного события состоит не только из внешних характеристик (место, время, условия и т.п.), а содержит внутренние характеристики, связанные с когнитивными состояниями участников коммуникации, их намерениями, желаниями, целями и т.п.

Опираясь на вышеизложенное, коммуникативный дискурс теперь можно определить как текст, который содержит рассуждения взаимодействующих субъектов. А эристический дискурс (или дискурс эристического спора) – это вербализированный спор, т.е. текст, который содержит рассуждения/аргументации участников спора, рассмотренный в широком семантико-прагматическом контексте.

Дискурс эристического спора можно представить как многоуровневую структуру. В самом простом виде она состоит из двух уровней: текстов, содержащих рассуждения/аргументации спорщиков, которыми они обмениваются между собой, и текстов рассуждений/аргументаций каждого участника спора, в которых обосновывается необходимость использования того или иного довода, той или иной уловки в соответствии с контекстом проведения спора. Первый уровень можно назвать объектным уровнем, второй – метауровнем. Объектный уровень содержит тексты рассуждений/аргументаций различных видов, а метауровень составляют в основном практические рассуждения, направленные на обоснование того либо иного действия в процессе спора.

Дискурс эристического спора можно охарактеризовать с точки зрения трех основных характеристик социального дискурса: его рациональности, его логичности и его адекватности.

Спор как вид социального взаимодействия и дискурс спора как его протокол всегда регулируются определенными нормами. Среди них можно выделить

нормы рациональности, нормы логичности, нормы адекватности. Попробуем проанализировать, как работают эти нормы в эристическом дискурсе.

1. Нормы рациональности. С рациональностью связаны конвенции (общие требования к коммуникации) и правила, регулирующие действия каждого из участников спора. В современной литературе и первые, и вторые представлены достаточно широко.

Для иллюстрации приведем одну из самых известных концепций, которая нашла свое отражение в проекте П.Грайса, а именно принцип кооперации. Его можно сформулировать так: каждый собеседник должен внести в коммуникацию тот вклад, который необходим на конкретной стадии беседы, иначе говоря, собеседники должны учитывать интересы друг друга и стремиться к кооперации. Отказ от сотрудничества оценивается как нарушение нормы рационального общения.

Для того чтобы этот принцип работал, коммуниканты должны придерживаться определенных правил (максим дискурса). П.Грайс выделяет четыре категории максим: количества, качества, отношения и способа действия.

Максимы количества связаны с объемом передаваемой информации («делай вклад в общение информативным настолько, насколько это необходимо», «не делай вклад в разговор более информативным, нежели это необходимо»).

К максимам качества относятся надмаксима «старайся делать свой вклад таким, чтобы он отвечал истине» и две обычные максимы («не говори того, что считаешь ложью», «не говори того, для чего у тебя нет адекватных доводов»).

К максимам способа действия относятся надмаксима «будь понятным» и обычные максимы («избегай

неясности выражений», «будь короток», «излагай последовательно» и т.п.).

Если проанализировать эристический спор в связи с принципом кооперации и максимами П. Грайса, то можно сделать вывод, что этому виду коммуникации присуще не их соблюдение, а, наоборот, их нарушение. В каком-то смысле можно даже сказать, что в эристическом споре нарушение социальных норм общения становится определенной нормой. В полемике очень часто спорщики не учитывают интересы друг друга, наоборот, каждый хочет реализовать свои собственные интересы, достичь своей цели. Это приводит к использованию разнообразных уловок, некоторые из них являются прямым нарушением максим П. Грайса.

В связи с вышеизложенным возникает вопрос: что же, тогда эристический спор не является рациональным?

Дать однозначный ответ на этот вопрос невозможно. Если мы будем рассматривать эристический спор с точки зрения когнитивного подхода (с точки зрения «Они», постороннего наблюдателя), то будем говорить о социальной рациональности (правила, нормы спора, которые нарушать не разрешено). С этой точки зрения эристический спор можно оценить как иррациональный, а его дискурс на объектном уровне также становится иррациональным.

Если же рассматривать эристический спор с точки зрения феноменологического подхода (с точки зрения каждого из коммуникантов, их представлений, желаний, убеждений), то мы будем говорить о феноменологической рациональности. С этой точки зрения эристический спор можно оценить как рациональный; соответственно его дискурс на метауровне получает статус рационального.

Если спор представить в виде многоуровневой игры, то становится возможным описать такую ситуа-

цию: «Я» делает вид, что играет с «Ты» в одну и ту же игру и придерживается норм этой игры (объектный уровень дискурса), а на самом деле «Я» имеет совсем другие цели и играет совсем в другую игру (метауровень дискурса). При этом «Я» нарушает социальные нормы игры с «Ты», используя различные уловки (при этом использование уловок влечет за собой соблюдение или нарушение других социальных норм, например, этических, когда решают вопрос о корректности или некорректности уловок). С точки зрения социальной рациональности «Они» будут оценивать действия «Я» как иррациональные. Хотя с точки зрения феноменологической рациональности действия «Я» можно оценить как рациональные. Кроме того, если «Я» использовал уловки, а «Ты» этого не заметил, то для «Ты» спор остается рациональным. Тут можно говорить о видимости социальной рациональности. И наоборот, если «Ты» разоблачил уловки «Я», то спор становится иррациональным и с точки зрения общих норм общения, и с точки зрения феноменологии каждого из участников. Такая ситуация может привести к прекращению общения и даже к возникновению конфликта.

2. Нормы логичности. Может ли дискурс эристического спора быть алогичным? На этот вопрос можно ответить утвердительно.

Эристический дискурс – это текст, в котором содержатся рассуждения/аргументации спорщиков. Нормы и правила построения рассуждений заданы в логике. Если их нарушают, то считают, что рассуждение построено неправильно. В этом случае между посылками и заключением рассуждения отсутствует отношение логического следования (в случае дедуктивных рассуждений) или отношение подтверждения (в случае правдоподобных рассуждений).

Нарушение норм логики происходит тогда, когда в процессе спора используют уловки (объектный уровень дискурса). Использование уловок с целью ввести оппонента в заблуждение, обосновать ложное утверждение с точки зрения логики является нарушением ее норм, то есть дискурс такого спора на объектном уровне будет алогичным. Однако, учитывая цели коммуниканта, использующего софизм, его действия можно оценить как рациональные. Только в случае подсознательного нарушения норм логики действия коммуниканта оценивают как иррациональные. Хотя в этом случае, мы уже не можем говорить ни о каких уловках, его рассуждение уже нельзя квалифицировать как софизм.

3. Нормы адекватности. Каждый из участников спора имеет свое представление о предмете обсуждения, строит свою собственную модель действительности, которую пытается описать при помощи определенного текста. Успешность общения зависит от того, совпадают ли у коммуникантов модели действительности. Можно утверждать, что эксплицитное, сознательное отождествление моделей в процессе общения – это определенная социальная конвенция, которую можно назвать нормой адекватности. При этом речь идет не только об адекватном описании действительности, но и об адекватном понимании этой действительности в процессе общения у коммуникантов.

Эта социальная конвенция в эристическом споре может нарушаться специально в процессе использования уловок, которые здесь можно рассматривать как способы, методы вариативного моделирования мира. Одну и ту же ситуацию, событие, действие можно описать разными способами, при помощи разных текстов. Использование вариативности моделей действительности как основы различных уловок является характерной чертой эристического дискурса.

При анализе спора проблема тождества (адекватности) таких моделей возникает не тогда, когда коммуниканты предлагают две или несколько моделей, а тогда, когда возникает необходимость отождествления модели, предложенной одним коммуникантом, с моделью (или ее фрагментом), которая уже есть у другого участника спора.

Решение этой проблемы тождества может быть позитивным, если в самих рассуждениях участников спора имеются некоторые метаязыковые указатели. Однако очень часто метауровень представлен в дискурсе спора только имплицитно. Иногда даже можно утверждать, что метатекст вообще отсутствует в рассуждениях спорщиков. Это свидетельствует о том, что они должны обращаться для решения проблемы тождества к определенным стандартам, общекультурным нормам понимания того или иного текста.

Именно это может стать причиной нарушения норм адекватности описания действительности в процессе спора. Уловки, которые используют в этом случае, прежде всего, направлены на формирование у собеседника искривленной модели действительности. Вероятнее всего, тут необходимо говорить не о лжи, а о введении в заблуждение, или диффамации дискурса спора.

Об авторе

Хоменко Ирина Викторовна – доктор философских наук, профессор кафедры логики Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, Киев, khomenkoi@ukr.net.

About author

Prof. Dr. Iryna Khomenko, Department of Logic, Taras Shevchenko National University of Kyiv, khomenkoi@ukr.net.